

СТОЛИЦА НА КОСТЯХ

ВЕЛИЧИЕ И
ПРОКЛЯТИЕ
ПЕТЕРБУРГА

АНДРЕЙ
БУРОВСКИЙ

Андрей Михайлович Буровский

Столица на костях. Величие и проклятие Петербурга

Серия «Осторожно, история! Что замалчивают учебники»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6702602

Столица на костях. Величие и проклятие Петербурга / Андрей

Буровский: Эксмо, Якуз; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-67888-4

Аннотация

Петербург – Петроград – Ленинград – Петербург. Построенный на болоте, ошеломляюще красивый и пугающе уродливый, обожаемый и ненавистный, имперский, мистический, сакральный, «колыбель русской свободы» и «родина трех революций», трижды менявший имя, за три века своей истории повидавший и переживший столько, что хватило бы на три тысячелетия... Самый европейский, загадочный и феноменальный город России. За что его так не любили коммунисты, лишившие «град Петров» имени и столичного статуса? Почему Гитлер собирался стереть его с лица земли? Правда ли, что он «построен на костях» и «проклят от

рождения»? И сбудется ли давнее пророчество, что «МЕСТУ
СЕМУ БЫТЬ ПУСТУ»?

Содержание

Введение	5
Часть I	11
Глава 1	11
Глава 2	32
Глава 3	44
Часть II	52
Глава 1	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Андрей Михайлович Буровский

Столица на костях. Величие и проклятие Петербурга

Всем, кто сознательно выбрал жизнь в удивительном и великом городе, – ПОСВЯЩАЕТСЯ.

*...Самый умышленный город на свете.
Ф.М. Достоевский*

Введение Город-легенда

*То видели очевидцы, как по улице Васильевского острова ехал на извозчике черт. То в полночь, в бурю и высокую воду сорвался с гранитной скалы и скакал по камням медный император. То к проезжему в карете тайному советнику липнул к стеклу и приставал мертвец – мертвый чиновник. Много таких рассказов ходило по городу.
А.Н. Толстой*

Санкт-Петербург – это не просто «хороший», «очень хо-

роший» или там «великолепный» город. Конечно, все эти слова могут быть сказаны, и не без основания. Но они явно недостаточны. Для Петербурга мало самых превосходных степеней, потому что Петербург – явление совершенно исключительное во всей русской, а может быть, и в мировой истории. Петербург уже чисто зрительно, по самым первым впечатлениям, необыкновенен, удивителен и отличен ото всех других городов. А в исследованиях теоретиков предстает как явление странное, необъяснимое, удивительное. И немного жуткое из-за своей непостижимости.

Разумеется, всякий вообще город – уникален. Вологда отличается от Армавира, Астрахань – от Смоленска. Но все эти, и все вообще города Русской равнины и Западной Сибири несравненно больше похожи друг на друга, чем на Петербург. Петербург несравненно более своеобразен, чем все другие русские города, и сильнее отличается от любого другого города.

Проверить слова автора предельно легко. Достаточно пройти по его улицам. Петербург может не нравиться. Он может раздражать сверх всякой меры. У приезжего, даже у жителя города, может возникнуть желание, чтобы площади, каналы и дворцы провалились в тартарары и ничего подобного больше бы не было.

Обширнейшая литература о городе доказывает, что Санкт-Петербург можно ненавидеть¹; можно презирать²;

¹ Пильняк Б.А. Его Величество Кнесь Piter Komandor. Пг, 1922.

можно считать само строительство города фатальной ошибкой, блажью придурковатого царя³; можно в панике бежать от него⁴; можно объявить любовь к нему – заболеванием⁵; можно бороться с этой его особостью. Например, пытаться его переименовать, чтобы не было странного Санкт-Петербурга, а был бы мирный, понятный «Невоград» – почти как Новгород или как Елизаветград⁶.

Но вот чего пока никому не удавалось – так это игнорировать город. Никто не смог прикоснуться к городу и продолжать жить так, словно встречи не произошло.

И еще одно: никто до сих пор не смог объяснить Петербурга. Феномен есть – вот он. Всякий может прикоснуться к чуду, даже имея не столь уж много денег и не такое уж пылкое желание. Но почему, почему?! Чем именно этот город таков, чтобы влияние его сделалось таким необычайным, а судьба – удивительной и звонкой, как гулкое раннее утро?

Город лежит на северо-западной окраине России, как совершенно удивительное существо. Как чудо-юдо из «Конька-Горбунка», – вроде бы земля как земля... А на самом деле что-то удивительное и необычайное. Город лежит себе с

² Величанский А. Страшен город Ленинград...// Сочинения. М., 1986.

³ Толстой А.Н. День Петра. Собр. соч. в 9 т. Т. 6. М., 1966.

⁴ Сухово-Кобылин А.В. Трилогия. Свадьба Кречинского. Дело. Смерть Тарелкина. М., 1955.

⁵ Продольный Н. Замерзшие корабли//Круг. Л., 1995.

⁶ Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию. М., 1991.

улыбкой сфинкса, даже немного гордится своей необычайностью, непостижимостью... Но ведь и сам себя он тоже постигнуть не может.

Множество людей умных, ученых, умудренных опытом работы подступали к Петербургу, пытались понять: в чем же его особенность? Что удивительный – видим, но почему, почему?!

Наверное, до конца никто и никогда не сможет постичь великого города. В этой книге мне часто приходилось говорить: да, это так, но почему – этого я не понимаю. И уверен, что пытающийся рассказать «всю правду» о Петербурге, скорее всего, сильно лжет.

Но сегодня Петербург стал постижимее, чем когда-либо, потому что в науке совершилось два открытия. Во-первых, ученые научились изучать один и тот же объект одновременно методами разных наук. Никто не мог понять Петербурга, пока смотрел на него с позиций своего частного предмета. Санкт-Петербург слишком сложен, чтобы одна наука могла объяснить его тайну.

А во-вторых, не только Петербург – очень многие явления в жизни людей стали понятнее, когда и самого человека, и творения его рук стали изучать как природное явление – методами естественных наук.

К Петербургу я подошел средствами разных наук и как к географическому объекту. Города изображают порой точками на карте – особенно если карта мелкого масштаба. Но это

ведь вовсе не точки. Петербург – это довольно большое пространство земли, застроенное домами. Если идти пешком, целый день придется добираться с юга на север и с востока на запад этого куска земли, который называется городом Санкт-Петербургом.

Не я сам это придумал, и уже тридцать, сорок лет назад некоторые ученые делали потрясающие вещи. Это были люди огромного масштаба; большие ученые. Очень часто, работая над книгой, я вспоминал слова мудрого Мен-Кау-То-та из «Путешествия Баурджеда»: «Я только пыль под ногами великого мудреца». Лев Гумилев и Юрий Лотман, Топоров и Иванов... Все они сказали о Петербурге то, что приблизило понимание. Работами каждого из них я воспользовался. Но все эти ученые, которых я не стою, занимались не только Петербургом. Великий город стал для них одной из точек приложения для их методов. Наступал момент, когда они переставали заниматься Петербургом. А у некоторых из них, может статься, просто не хватило времени вырвать тайну Петербурга у Вечности и рассказать ее людям.

Встав на плечи гигантов, я разглядел то, что до сих пор сокрыто от большинства даже очень неглупых людей. Я открыл истину? Конечно нет, истину знает лишь Господь Бог. Я смог только приблизиться к истине больше, чем это удавалось до меня, и только. Многие стороны жизни Петербурга для меня и сейчас – непроницаемая тайна. И прошу помнить – я вижу дальше только потому, что смотрю с плеч гигантов.

*Доктор философских наук,
член Санкт-Петербургского Дома ученых
А.М. Буровский*

Часть I

Феномен петербурга

*Ведется ввоз и вывоз
Уже не первый год.
Огромный город вырос
И все еще растет.
Вздымает конь копыта
Над невской мостовой,
Над сутолокой быта,
Над явью деловой.
И все творится чудо,
И нам хватает сил,
И конь еще покуда
Копыт не опустил.*

В.С. Шефнер

Глава 1

Существо феномена

*Я далеко вижу, потому что стою на плечах у
гигантов.*

Н. Коперник

Один и тот же процесс

С момента основания города в нем снова и снова повторяется одно и то же: Петербург изменяет всякого, кто прикоснулся к нему. Того, кто приехал и быстро уехал – того он изменяет незначительно. Приезжающего регулярно изменит уже достаточно заметно. Тот, кто поселился в Петербурге, незаметно, но и неостановимо превращается в петербуржца. А петербуржцы сильно отличаются от остальных русских. Коренные, потомственные петербуржцы составляют едва ли не субэтнос русского народа.

И процесс этот повторяется несколько раз, Петербург переделывает всех.

В середине – конце XVIII века складывается петербургский слой высшей российской аристократии. Эти люди или родились в Петербурге, или прожили в городе долгое время... и они начинают довольно существенно отличаться от остального высшего дворянства всей Российской империи. Отличаться – и на уровне бытовых привычек (пили все же кофе, а не чай и не сбитень), и на уровне поведения.

В политике же – рождается тот уверенный в своих правах до некоторой наглости, решительно стремящийся к утверждению своего места в жизни типаж, который знаком России по более поздним временам. Называют этот человеческий тип по-разному – от «люди будущего» до «предате-

ли», мы же предпочтем нечто нейтральное: «русские европейцы».

Слой это очень тоненький, в 1780-е годы он не включает и нескольких десятков человек. Рождается пока только некое легкое фрондирование, кухонные разговоры о том, что монарх мог бы соблюдать собственные законы. Ну, еще появляются какие-то придворные интриги, типа попыток Н.И. Панина убедить наследника престола Великого князя Павла Петровича подписать проект Конституции и возвести на престол уже ограниченного Конституцией монарха.

Но проходит всего два поколения – и петербургское фрондерство взрывается восстанием 14 декабря 1825 года. Между прочим, все участники заговора – если и не коренные петербуржцы, то долгое время жили в Петербурге – имели там близких друзей и знакомых.

Характерная деталь – попытку ограничить монархию в 1739 году смело можно назвать «общедворянской». Историки и царской России, и в советское время изо всех сил пытались представить «заговор верховников» чем-то совершенно верхушечным, а идею конституции – чуждой основной массе дворян. Это не так. В январе 1739 года возникла ситуация двусмысленная и полная соблазна: внезапно умер законный император Петр II. На его свадьбу съехались десятки тысяч дворян – чуть ли не половина всего жившего тогда на Земле русского дворянства. После смерти Петра II они никуда не разъехались, а приняли активнейшее участие в событиях.

Интригами Верховного тайного совета решено было пригласить на престол Анну Ивановну (прямых прав на престол не имевшую). Свой вариант аристократической конституции, легендарные «Кондиции», верховники выдали за «монаршую волю»... И неосторожно добавили, что Императрица, мол, хотела бы знать волю российского дворянства. Воля высказана была.

С 20 января по 2 февраля 1739 г. – это период, когда не Верховный тайный совет и не кабинет министров, а несколько десятков тысяч собравшихся в Москве дворян обсуждают будущее политическое устройство России. Вовсе не одни члены Верховного тайного совета писали проекты ограничения монархии, продумывали будущую конституцию и агитировали остальных. Феофан Прокопович насчитывал до 500 «агитаторов» – то есть активных людей, имевших убеждения и умевших вызвать доверие других.

«Известно 13 записок, поданных или подготовленных к подаче в Верховный тайный совет от разных кружков. Под этими проектами собрано порядка 1100 подписей, из них 600 – офицерских! Если учесть, что всего-то в Российской империи было тогда не больше 13–15 тысяч офицеров, число это просто поразительно»⁷.

Огромный процент русского офицерства завис «между рабством и свободой»⁸.

⁷ Буровский А.М. Несостоявшаяся империя. М., 2000. С. 114.

⁸ Гордин А. Меж рабством и свободой. СПб, 1994.

Но с тех пор, почти за сто лет, многое изменилось. Дворянство сделалось привилегированным слоем. Уже Анна, даже расправившись с мятежным дворянством, другой рукой освобождала дворян от обязательной службы. После Манифеста о вольности дворянской от 18 февраля 1762 года это сословие оказалось окончательно «уволненным» от службы, сохраняя все свои привилегии и все свое экономическое могущество.

И в начале XVIII, и в начале XIX века русское дворянство было самым богатым сословием. Но в начале XIX века дворянство было не самым закрепощенным из сословий, а самым свободным. Оно вовсе не находилось в конфликте с властями и совершенно не рвалось, как в середине XVIII века, изменять политический строй Империи.

В 1825 году 90 % русского дворянства вовсе не хотели введения конституционного строя. Тем более они не поддерживали восстание 14 декабря. Антиправительственный мятеж был полной дикостью для дворян, и хорошо заметно: очень многие испытывали по его поводу совершенное недоумение. Недоумение сквозит даже в строчках А.С. Пушкина:

В Париже сапожник, чтоб барином стать,

Бунтует, понятное дело.

В России у нас взбунтовалася знать...

В сапожники, что ль, захотела?

Ища причины восстания декабристов, историки прошло-

го и настоящего выдвигали самые фантастические причины восстания. От «высокой идейности» и «понимания правды народа» (классическая версия марксистов) и до масонского заговора баронессы Де Толль⁹.

Историки пытались доказать даже, что сохранение крепостного права было уже невыгодно дворянству. То-то экономически подкованные декабристы и ломанулись раскрепощать мужиков, крепить русский капитализм. Выглядят эти построения не очень убедительно – ведь хотели повстанцы вовсе не только личного освобождения крестьян и уж, конечно, не собирались делиться с ними политической властью. Так что объяснить действия декабристов никакими экономическими или социальными причинами не удастся, и опять повисает недоуменное молчание...

На мой же взгляд, есть прямой смысл заметить культурный раскол дворянства: той кучки, что тесно связана с Петербургом, и «всех остальных». И получается – это бунт не только социальный и политический, но и региональный. Бунт людей, воспитанных Городом-на-Неве. Эти люди даже не очень виноваты: у них сами собой сложились какие-то особые убеждения, совсем необычные для их сословия. Конечно, московское и провинциальное дворянство тоже не виновно в том, что никаких таких конституционных прав и свобод оно не понимает и не хочет. Просто оно совсем другое.

По понятным причинам мы ничего не знаем – а отличался

⁹ Толль С.Д. Ночные братья. М., 2000. С. 247.

ли психотип петербургского простолюдина того же начала XIX века от психотипа москвича, ярославца, тверича? Предположить отличие нетрудно, но ведь материалов нет, и до изобретения «машины времени» таких материалов и не будет.

В начале – середине XIX века дворянский слой Петербурга становится шире, так сказать, «демократичнее». Рождается более широкий слой петербуржцев, включающий уже тысячи людей. Начинает свое существование культурно-исторический тип, который проживет больше столетия, а последние носители этого типа умрут уже после Второй мировой войны.

Этот слой черпает материальный достаток в собственности на землю и на крепостных. Многие из этих людей испытывали на себе все «прелести» родительского и начальственного деспотизма. Мало кто в этом слое сомневается, что «каждый порядочный человек» обязан включить себя во что-то, что выше его, и отдаться этому высшему без остатка: государству, обществу, науке... Неважно чему, самое главное – служение. И тем удивительнее святая, непререкаемая уверенность людей этого слоя в том, что они... европейцы. В этом убеждении петербуржцы, да и все образованные жители Российской империи прожили несколько поколений – пока не оказались в Европе уже не в качестве хорошо обеспеченных туристов, а нищих беженцев. Только безысходный ужас эмиграции 1920—1930-х гг. заставил этих людей обна-

ружить, что в Европе они вовсе не дома, что они психологически очень далеки от Европы (а Европа, соответственно, от них). Тогда-то уже эти люди и запели про «чужие города», и начали целовать русскую землю на вокзалах.

Но тип петербургского дворянина и разночинца – сложился и свою роль в истории сыграл.

С середины XIX в. Петербург все более заполняется выходцами из мелкого провинциального дворянства, обеспеченной верхушки простонародья. Эти люди, казалось бы, не имеют с прежними жителями Петербурга решительно ничего общего. Но чуть ли не мгновенно, буквально за два-три поколения, проникаются ощущением того, что они, во-первых, петербуржцы, а во-вторых, европейцы.

На рубеже XIX и XX вв. город начинает нуждаться в рабочих руках для огромных, быстро растущих предприятий. Новая волна петербургских новопоселенцев – и с ними начинается происходить то же самое! Они превращаются в петербуржцев, русских европейцев, и по мере сил стараются воплотить свое мировоззрение в жизнь.

Этот слой изрядно начудил в «освободительной борьбе» с собственным правительством; сыграл, мягко скажем, неблагоприятную роль в событиях февраля – марта 1917 г. Но даже в этих событиях рабочие завода Михельсона участвовали все же не в роли погромщиков или «экспроприаторов экспроприруемого», а в роли как раз людей «идейных», честно пытающихся привести действительность в соответствие с

этими идеями...

Петербургцы в России, независимо от сословия, традиционно чувствовали себя словно бы «немного не отсюда» и порой пытались привести не себя в соответствие с миром, а мир в соответствие с собой. А после октября 1917 г. этот общественный слой, к чести его, быстро опомнился и поумнел – Ижорским и Кронштадтским восстаниями.

В XX веке

Характерно, что красные с самого начала чувствовали в Петербурге что-то не «свое», что-то опасное для них. Нигде, даже в Москве, не было такого количества массовых депортаций прежнего населения. Даже после погубившего Санкт-Петербург голода и серии массовых расстрелов 1918–1919 годов Петербург вызывал некую смутную опаску. И «чистили» его на совесть, старательно пытались создать на месте города Петра город имени своего кумира Ленина.

История показала: большевики совершенно справедливо чувствовали некую опасность, исходящую от города. Но им, конечно, и в голову не приходило, что главная опасность-то исходит не от живущих в Петербурге людей, а от самих дворцов, площадей, проспектов, улиц... И даже если депортировать из Петербурга вообще все прежнее население, Петербург не будет Петербургом, не сумеет он повлиять на заполнявшие его пустоту «классово правильные» элементы. Как

бы тщательно ни были отобраны будущие пролетарии и будущие совслужа, как бы им ни промывали мозги, но стоит пустоте обезлюдевшего, расстрелянного, вымершего, разбежавшегося города начать заполняться, – и уже в конце 1920-х воспроизводится известное.

Чуть ли не самое поразительное изменение за всю историю Петербурга произошло с «ленинградской» партийной организацией. Против «хозяина», против вождя, признанного всей многомиллионной партийной мафией, выступили вроде бы ближайшие его сподвижники, наперсники и клеветры. Так сказать, плоть от плоти, кость от кости. На 90 % – без петербургских корней; люди, не получившие никакого образования и, соответственно, не способные толком и понять, где находятся. «Глядим на влажные торцы, как скиф на храмы Херсонеса». Люди, сформированные Системой и никогда против нее не поднимавшие голос.

Это были люди, свято уверенные в истинности марксизма, в правильности линии ВКП(б), не имевшие ничего против массовых убийств офицеров, священников и прочей, как выражался вождь и учитель мирового пролетариата, «черносотенной сволочи». Но Петербург как-то странно, возможно, даже против их воли подействовал на них. Войдя в них, Петербург странно (вероятно, и болезненно) раздвоил их личности; и они вдруг обрели способность понимать, что бред – это бред, примитив – это примитив, партия нового типа – никакая не партия, а шайка. И что вождь партии нового типа

– не гений и не гигант духа, а просто смертельно опасный и вредный негодяй и дурак. Ничего странного нет в понимании само собой разумеющихся вещей. Взрослый человек и понимает их ровно потому, что он – взрослый. Но, учитывая биографии Кирова и всех его присных – да, это понимание было очень странно и, конечно, совершенно неожиданно.

Более того – эти коммунисты обрели еще и способность дистанцироваться от официальной линии партии, заявить о каком-то своем понимании того или иного и вступить в почти наверняка проигранную борьбу с Джугашвили и его приближенными. Характерно, что «ленинградская» оппозиция действительно существовала и действительно объединяла лиц, живших в огаженном, переименованном, оболганном «городе трех революций» – в Петербурге. И этот удивительный город продолжал что-то делать даже с ними.

Без каких-либо недомолвок или неопределенностей позволю себе не разделять убеждений и представлений любой коммунистической группировки. Позволю себе также не сочувствовать судьбе членов любой такой группировки и считать их гибель от руки своих же – проявлением Промысла Божьего. Но все же – какие интересные вещи происходят в Санкт-Петербурге!

Поразительно, но и евреи, хлынувшие в бывшую столицу во время Первой мировой войны, а особенно после Декрета об «угнетенных народах», во всей полноте испытали на себе действие Петербурга. В дореволюционной России еврей,

чтобы покинуть «черту оседлости», вынужден был выкрещиваться. Хотя бы формально, лицемерно, но он становился православным, человеком христианского мира. В советское время не нужно было ничего изображать, ни во что включаться и ничему, кроме марксизма, не являть лояльность.

Но странное дело: проходит лишь два-три поколения, и приходится признать, что питерские евреи превратились в довольно заурядный, не очень выделяющийся и все более ассимилирующийся субэтнос русского суперэтноса. Есть, конечно, патологические исключения – хотя бы Ю.Герман с его славословиями в адрес Дзержинского и неимоверно проституточными книжками, славящими «органы», может рассматриваться как еврей, приложивший поистине титанические усилия для того, чтобы быть только и исключительно «советским» и не иметь отношения решительно ни к чему русскому или российскому¹⁰. Но не могут же выродки определять суть идущих процессов.

Конечно, и немцы, и латыши, и даже пленные шведы и французы порой входили в число петербургских жителей. Но все же это были люди хоть и из разных частей – но общего, христианского мира; люди, объединяемые с русскими хотя бы самыми общими элементами культурного кода.

Осмелюсь напомнить, что очень многие из евреев не только не имели, но и не хотели иметь ничего общего с Россией; чувства причастности к русской истории или к достижени-

¹⁰ Герман Ю. Рассказы о Дзержинском. М. – Л., 1959.

ям русской культуры не испытывали. Советскими властями, а порой и в семьях воспитывались они на представлениях о дикости и отсталости России до большевиков, на ненависти к ее исторической традиции. Многие из евреев, наполнивших Петербург, к тому же имели основания для личной ненависти к России, погубившей их близких. В Петербурге эти люди оказались случайно, просто бежали из охваченной погромами Галиции или Волыни, прибывались к крупному, яркому городу... А их внуки стали петербуржцами.

Как Александр Городницкий, прославивший в своих песнях Санкт-Петербург и весь петербургский период русской истории. Как Лев Клейн, едва ли не ведущий из петербургских археологов. Как известнейший ученый Эрик Слепян. Как культуролог Моисей Коган. Как... Но нет, слишком долго перечислять. Силен же город!

Второе убийство Петербурга

В 1939–1940 годах, вопреки всем депортациям и расстрелам, в Петербурге жило, по крайней мере, тысяч триста прежних жителей – тех, кто обитал в нем до «эпохи исторического материализма». Трудно сказать, кто больше раздражал властей предрержащих – эти люди и их потомки или же новые поселенцы, удивительным образом начинавшие вести себя так же, как прежние жители.

Во всяком случае, власти предприняли действия, которые

понимать можно только одним способом: как сознательное и последовательное убийство города.

При советской власти полагалось считать, что Бадаевские склады с запасами продовольствия разбомбила авиация нацистов. Это – официальная версия.

Но старожилы города не раз рассказывали мне, что в тот день район Бадаевских складов практически не бомбили.

– НКВД поджигало, – спокойно, бесстрашно говорили мне не раз.

– Зачем поджигало?!

Вот на это «зачем» давались очень разные ответы. Большая часть из них сводилась к тому, что подожгли склады «по ошибке», или что «думали всех вывезти». Второе заведомо неправда – Бадаевские склады сгорели уже после того, как кольцо блокады замкнулось.

Добавлю к этому: вы уверены, дорогой читатель, что во время блокады в Петербурге так уж и не было еды? Если уверены, то объясните мне, пожалуйста, из каких таких складов выдавались ветчина, яйца, мясные консервы, сыры, – не говоря о крупах и хлебе? А эти продукты выдавались, и не такому уж малому числу людей. Несколько десятков тысяч советских начальников получали свои спецпайки и жили совсем не так уж плохо посреди вымиравшего города. Да куда там «неплохо»! Неплохо – это в плане снабжения продуктами. А они ведь к тому же вполне могли и кое-что нажать – например, драгоценности, произведения искусства. Стои-

ло все это недорого. Я лично знаком с людьми, которые во время блокады отдавали золотые украшения за хлеб по весу: грамм за грамм. Правда, хлеб был хороший, вкусный и пропеченный. Пекли-то его для начальства, а не для населения.

Но так или иначе, вот факты – во время блокады Ленинграда продовольствие в городе было. Вопрос, для кого оно было, а для кого продовольствия не было. Одни жили себе и даже наживали золото и картины, другие обречены были на смерть.

Добавлю еще, что «бывших» старались не вывозить из вымиравшего города. Например, вторая семья Николая Гумилева, его вдова и почти взрослая дочь умерли от голода. Если же «бывшие» выезжали из Петербурга, то их старались не пускать обратно.

Вот и получается, что поджог Бадаевских складов укладывается в чудовищную, но вполне реальную и вполне логичную картину еще одного убийства города.

Казалось бы – зачем нужно новое убийство Санкт-Петербурга? Зачем новая волна смертей – и старых петербуржцев, и тех, кто только начал ими становиться?

В том-то и дело, что логика тут есть, и беспощадная. Вспомним идею борьбы азиатского и европейского начал в России – причем азиатское начало олицетворяется Москвой, а европейское – Петербургом. Эту мысль очень любил и совал куда надо и куда не надо Николай Бердяев, но в общем он только ярко иллюстрировал то, с чем принципиально бы-

ли бы согласны если не все – то 90 % людей его круга.

Трудно отделаться от мысли, что большевики мыслили так же – только знаки у них полярно менялись полюсами. Где у Бердяева был «плюс», у них в Европе располагался «минус». Вот и все!

Город, олицетворявший русский европеизм, следовало уничтожить.

Людей, воспитанных в этом городе как русские европейцы, следовало истребить, чтобы не мешали «строить светлое будущее».

Очень интересно, что эта оценка Петербурга полностью разделялась и нацистами. Существовала «специальная» оценка нацистами ленинградского населения. Оказывается, в России два мира – Москва и Петербург. Москва – это олицетворение азиатской деревни, при необходимости она может стать навозом, нужным для рейха.

А вот Петербург – это его жители создали из «навоза» империю, стремившуюся на запад. Вывод – Петербург опасен для рейха. Петербург необходимо уничтожить.

Была секретная инструкция членам НСДАП – чтобы они не вступали лишний раз в разговоры с русскими и проявляли большую осторожность в этих разговорах. Русские – хорошие диалектики, они умеют спорить и «обладают способностью убеждать в самых невероятных вещах». Самыми же опасными в этом отношении людьми объявлялись именно

жители Санкт-Петербурга¹¹.

Удивляться не стоит – национальные социалисты гораздо меньше отличаются от интернациональных, чем хотелось бы и тем, и другим.

После войны

В 1948 году интеллектуальную оппозицию петербургских журналов «Звезда» и «Ленинград» красные сразу же объявили «рецидивом», пережитком царизма и наследием «мрачных времен реакции». То, что А.А. Ахматова была и лидером и знаменем интеллектуальной оппозиции, – это факт. Но в этой оппозиции участвует множество людей, не только не происходящих из «бывших», но до самых последних десятилетий не имевших к Петербургу никакого отношения. Оппозиция, конечно, несерьезная, смешная. По существу, это вообще была не столько идейная оппозиция, сколько судорожная попытка всему вопреки пытаться быть самими собой. Даже вопреки инстинкту самосохранения. Хотя бы немного. Хотя бы частично. Хотя бы притворившись, что лоялен, и в узких рамках полудозволенного.

Но для того, чтобы вести себя так, необходимо иметь представление о себе, своей особости. Надо иметь то, что пытаешься сохранить в себе и что не укладывается в отве-

¹¹ Криптон К. Осада Ленинграда. Нью-Йорк. 1952. С. 234–235.

денные «сверху» содержание и форму. То есть нужна некая отделенность, дистанцированность и от официальной идеологии, и от тоталитарного, и вообще от любого государства. Если даже и не словесно оформленная, то хотя бы на уровне эмоций, каких-то смутных душевных переживаний. Типично «петербургскую» реакцию на давление извне проявляли те, кто въехал уже в «Ленинград», и притом чуть ли не по комсомольской путевке.

И в более позднее время выкашиваемый, искореняемый всеми средствами «город трех революций» поднимал головы... порой головы совсем недавних переселенцев. Всю «советскую» историю в Петербурге все время что-то бродило, булькало, не могло успокоиться...

Ох, не случайно именно Васильевский остров породил И.Бродского и кружок к нему близких! И не зря ведь последние в «советской» истории масштабные аресты «не таких» произошли именно в Петербурге и получили даже официальное наименование «ленинградской волны» арестов – Азатовский, Рогинский, Савельев, Мейлах, Мирек, Клейн и т. д.

И сегодня преет странное варево города, но об этом ниже и отдельно.

После всего сказанного уже не очень странно, что к 1960–1970 гг. население Ленинграда упорствовало, называя себя «петербуржцами». Так называл себя даже тот, чей дед и даже отец родились в псковской деревне: называться петербуржцем было почетно, относились к этому ревниво. Иметь пред-

ков в Петербурге до 1914 г. было высшей формой снобизма, и если даже о таких предках врал – то ведь получается, человек хотел иметь именно таких предков! Приписать себе прадеда – питерского извозчика или владельца швейной мастерской, – значило повысить свой общественный статус. В том числе статус в самой что ни на есть интеллигентной среде. И ничего тут не поделаешь!

Неоднократно мне доводилось вступать в споры о том, имею ли я право называться «петербуржцем»¹². Вроде бы прадеды жили в Петербурге, и не одно поколение. Но, с другой стороны, – петербуржцем является тот, кто или родился в городе и прожил там первый год жизни, или тот, кто прожил в Петербурге 30 лет...

Спорившие приходили на мой счет к разным выводам, но интересны не сами по себе мои (или еще чьи-нибудь) «права». Интересна сама ситуация, когда «петербуржцы» оказывались такой престижной группой населения, что «право» человека принадлежать к ним требовалось обсуждать, прикидывать, уточнять и т. д. Назовись я «тамбовцем» в присутствии жителей Тамбова и на том же основании – предки жили в этом городе, – обсуждения бы не возникло. Даже если бы основания для этого были бы самые слабые – скажем, одно время в Тамбове жил прадед... или что-нибудь в этом

¹² На всякий случай уточняю, что ни на какое звание и ни на какой статус «петербуржца» не претендую. И вообще ни на какую принадлежность ни к какой группе не претендую.

духе. Нет у тамбовцев такой ревности к своему городу, совсем не так важно очертить кружок «своих».

Получается, что буквально с момента основания города в нем шло образование какого-то особого, «санкт-петербургского» субэтнуса, рождался особый вариант российской культуры. Стоило людям из какой-либо социальной группы и даже из какого-то этноса попасть в Петербург, как они совершенно независимо друг от друга и независимо от собственного желания начинали становиться петербуржцами. Этот процесс неоднократно прерывали искусственными средствами, но всякий раз он возобновлялся.

Любая социальная или национальная группа, стоит ей оказаться в Петербурге, странным образом изменяется. Такая группа приобретает этнографические черты, общие с другими жителями Петербурга, и начинает определять себя как «санкт-петербуржцы», «петербуржцы» или «питерцы» – вне зависимости от того, откуда они родом. Такая группа становится (по крайней мере, в России) носителями передового сознания, вызывающими ассоциации с Европой. И все эти группы петербуржцев неизбежно, опять же – вопреки их собственной самооценке и собственному желанию, оказываются преемниками. Процесс получается, вопреки всему – единый, хотя и протекающий в несколько разных этапов, и не раз прерванный властями.

Тем более странно, что до сих пор никто не смог объяснить: в чем же именно состоит «особенность» города, и как,

через какие механизмы он оказывает свое удивительное воздействие на человека.

Глава 2

Культурная столица России

*Страшен город Ленинград.
Он походит на трактат,
Что переведен с латыни
На российский невпопад.*

А. Величанский

Империи рано или поздно рушатся. Границы государств редко пребывают в неизменности. Кому, как россиянам, этого не знать... Но эти застроенные, измененные до неузнаваемости участки земной поверхности – города, – они продолжают жить какой-то своей, совершенно самостоятельной жизнью. Судьба некоторых городов очень тесно зависит от судьбы государства. Судьба других оказывается совершенно в стороне от судеб государств и империй, торговых путей и «величия» безумных владык.

Судите сами: маленькая Лютеция была совершенно ничтожным городишкой в сравнении с Суассоном или Орлеаном. Так, маленький городок в Галлии, мало интересный и галлам, и любым завоевателям. За нее не боролись варвары и галло-римляне, городок не делали своей резиденцией могущественные епископы и короли. Скорее сам город, разрас-

таясь по каким-то одному Богу ведомым законам, вынудил сделать себя столицей Франции.

Центр торговли, науки, культуры, моды, источник постоянных новаций решительно во всем – Париж превосходно видно в европейской жизни. Причем совершенно независимо от того, был он столицей или нет. Не будь Франция столь благоразумна, чтобы сделать Париж столицей, еще неизвестно, кому было бы хуже – остальной Франции или Парижу...

Краков стал столицей Польши в XI в. и перестал ею быть в XVI в. Вроде бы даже запустел после нашествия шведов в середине XVII века. Но... Краковский университет. Но начавшееся в Кракове восстание Костюшко (1794); Краковская республика 1815–1846 гг.; Краковское восстание 1846. Просту извинить – но и краковская колбаса. Столичности Краков давно лишен; но развивается как город науки, город культурных новаций и вместе с тем – как «бунташное», вечно противостоящее властям место. В судьбе Кракова явно есть нечто, роднящее его с Санкт-Петербургом.

Так же и в Швеции Упсала без прямой помощи властей предрежащих выросла из языческого, затем христианского культового центра в университетский город. Да какой! Общеευропейского значения. Не в королях и епископах дело: скорее это сама Упсала не позволяла себя обойти, и именно потому стала резиденцией архиепископа, центром торговли всей Южной Швеции, местом коронации королей и проведения мероприятий национального масштаба.

В XIX веке мрачноватая слава клерикализма и реакционности пришла к Упсале. Уж, наверное, такая слава приходит не посредством государственных указов.

Так же «самостоятельно» стал крупнейшим культурным центром Мюнхен. Не все родившееся в нем способно вызывать восторг – от идеи Баварской автономии до «Пивного путча». Но закономерность явно та же.

Словом, существуют города, в которых, подчиняясь еще не ясным законам общественного развития, происходит активное развитие культуры – выражаясь по-ученому, культурогенез. В этих городах складывается местный по происхождению культуроносный, культуротворческий слой. Население города по непонятной причине начинает заниматься науками и искусствами и добивается в этих занятиях многого.

Конечно, заниматься культурным творчеством куда удобнее, когда полон кошелек, а город имеет какие-то свои права и привилегии. Если у города есть статус, права, возможности, деньги – культуротворческий слой своих граждан город может расширять. Во-первых, в богатый город стекаются люди, и не самые худшие; да нужных людей богатый столичный город еще и может сознательно привлекать.

Во-вторых, это ведь не всегда бывает, чтобы творцы культуры имели возможность не тачать сапоги или вывозить мусор, а получать плату за совсем иной труд. Холст, подрамники, мастерские и уж тем паче бронза – стоят денег. Как и типографии, и металлические литеры, и краска, и бумага,

превращаемая в книги.

Если денег на все это нет – культуруносный слой поневоле будет вести самое скромное существование. Многие вообще не сделают в своей жизни ничего, иные состоятся вполсилы.

Но получается – в некоторых городах этот слой может появиться в любую минуту, а как появится – сразу активен, вне прямой зависимости от городских вольностей или скопленного достояния. В таком городе постоянно возникают разного рода культурные новации, и в самых разных сферах жизни – от научных открытий и до религиозных переворотов, от усовершенствований в музыкальных инструментах и до новых форм общественной организации. Жить в таких городах одновременно интересно и тревожно.

А в других городах генезис культуры происходит вяло, в основном за счет приезжих или за счет финансовых вливаний. В любое место ведь можно привезти людей откуда угодно, и пока им платят, воспитанные в других местах художники, ваятели, писатели и ученые не разбегутся, а будут творить там, куда их привезли.

С XV в. Берлин – столица: сначала Бранденбурга, потом – Пруссии. В город долгое время была немалая эмиграция. Например, в XVIII в. треть населения Берлина составляли беглые из Франции гугеноты... Но ведь это же факт, что роль Берлина как города культуры, невзирая на его «столичность», на многочисленные финансовые вливания и не худших по качеству эмигрантов, многократно меньше, чем того

же Мюнхена, Кельна или даже маленького Дрездена.

Опасаясь обидеть жителей других промышленных гигантов и древних столичных городов, не стану уточнять, которые из них вызывают у меня в памяти древнюю поговорку про Федору, которая велика... Лучше обратимся к Петербургу.

Уже говорилось о потрясающей способности города «включать в себя», ассимилировать вливающих в Санкт-Петербург людей: независимо от роду-племени эти люди поколения через два превращаются в коренных, и притом в преданных городу жителей.

Если брать деятелей культуры, этот процесс начался с уроженцев немецких земель и пылких петербургских патриотов Б.С. Якоби, В.Я. Струве (основавших «петербургские» династии интеллектуалов) и продолжился уже «чисто русскими» СП. Крашенинниковым, И.И. Лепехиным, М.В. Ломоносовым. И чем дальше, тем больше среди культурноносящего слоя не только «чисто русских», но и «уже встречавшихся» фамилий.

Мало того что становятся петербуржцами «иностранцы». Пресловутый спор двух столиц решается просто и ясно: можно назвать множество известнейших лиц, перебравшихся в Санкт-Петербург из Москвы (в качестве впечатляющих примеров – Н.И. Пирогов и СП. Боткин). Но нет ни одного обратного случая. Исключение – Илья Сандунов. Но и он, переехав из Петербурга в Москву, бросил театр и занялся бу-

душными Сандуновскими банями.

Самое странное в том, что процесс этот шел и при «советской власти», и что этот процесс продолжается сегодня. Конечно, многих в Москву «вывели» в начале 1930-х, когда переводили все институты Академии наук – новая столица должна была обзавестись подобающими головными институтами. Выращивал – Санкт-Петербург. Должна была позать, по замыслу коммунистов – Москва. И диву даешься, каким пшиком все отозвалось. Конечно, «выведенные» в Москву петербуржцы (среди самых знаменитых – В.И.Вернадский, среди менее известных – хотя бы палеонтолог Орлов) сказали свое слово. Но в целом «выведенные» в Москву научные школы «благополучно» зачахли. Заметно было первое поколение – то, которое родилось, окончило гимназии, получало образование в Санкт-Петербурге. На этом – все.

Если людям давали право выбора – наиболее интересные творческие типы из Петербурга уезжать отказывались (до войны – Тимирязев; после войны – Б. Штоколов). Или, вопреки утраченной Петербургом «столичности», перебираются именно в Петербург из провинциальных городов.

Уже в 1990-е годы Санкт-Петербург или породил, или «раскрутил» нескольких сильных писателей.

Из Петербурга родом В.В. Путин и многие из его окружения, вообще много людей из властных структур. Реализуются они в Москве... но корни их – в совсем другой столице.

Не менее интересно и еще одно... Санкт-Петербург ли-

дирует решительно во всех культурных инновациях, какие только появлялись за последние 200 лет российской истории. Проводить сколько-нибудь подробный анализ, даже просто перечислять я не буду: потребуются монография, да пообъемнее, листов на 30. Намечу максимально коротко.

Естествознание:

- привлечение европейских (в основном немецких) ученых в Россию, и учение у них (Б.С. Якоби, Э.Х. Ленц, В.Я. Струве... список можно пополнить десятками имен);

- освоение пришедшего из Европы аналитического естествознания (В.В. Петров, И.М. Сеченов, Д.И. Менделеев – этот список тоже можно расширять до бесконечности);

- становление традиции «синтезного» естествознания, более соответствующей российской культурной традиции (В.В. Докучаев и вся его школа, В.И. Вернадский, А.Е. Ферсман, К.А. Тимирязев);

- возникновение русской школы физиологии и неврологии (В.М. Бехтерев, И.П. Павлов, С.П. Боткин);

- становление русской школы психологии (знаменитые, постоянно и тупо высмеиваемые в советское время «педологи»).

Архитектура, изобразительное искусство (привожу без имен – слишком много пришлось бы назвать):

- рождение «русского классицизма», «русского романтизма» – весьма мало похожих на европейские образцы;

- рождение абстрактной живописи, русского авангарда;
- рождение модернизма и конструктивизма;
- становление русского паркового хозяйства.

Литературный процесс: русский классицизм; русский сентиментализм; русский романтизм; русский авангардизм.

Медицина: Н.И. Пирогов, Н.Н. Зинин, С.П. Боткин, В.М. Бехтерев.

Технические науки:

- изобретение радио А.С. Поповым;
- электромагнитный телеграф П.Л. Шиллинга;
- подводная лодка, миноносец и ледокол адм. С.О. Макарова;
- металлография Д.К. Чернова.

Экономика:

в 1906 г. в Петербурге родился, здесь и учился Василий Леонтьев; а что коммунисты додумались выгнать за рубеж и этого сына России (и Петербурга) – так Петербургу от того честь не меньшая.

Гуманитарные науки: при нормальной, то есть царской, власти – школы папирологов, палимпсестиков (ныне почти забыто, что это вообще такое); школы историков, архео-

логов, филологов. Естественно, условия развития научных школ, тем более в гуманитарной сфере, при советской власти были совсем другие.

Но и при советской власти:

- школа востоковедов (достаточно назвать всемирно известного И.М. Дьяконова, а есть и еще несколько, может быть, и менее «громких», но в профессиональных кругах «звучащих» имен);

- школа археологии (почти все советское палеолитоведение сосредоточено было в Ленинграде; здесь же возникла и продолжает оказывать воздействие на всю Европу школа крупнейшего теоретика Л.С.Клейна);

- Лев Гумилев, который один стоит целой научной школы;

- школа филологов и фольклористов.

Общественная мысль:

становление русского анархизма, народничества, марксизма; движение конституционализма (наиболее «европейское» по сути и по духу). Сейчас на глазах рождается русский нацизм; явление не самое светлое, согласен, но что по всей России в воздухе носится – то в Петербурге и рождается.

Честно говоря, просто не знаю, к какой области отнести культурный феномен «Серебряного века». Литературный процесс? Поэзия? Художественное творчество? Да нет, это явление шире. Тут целый комплекс явлений культуры, сливающихся в огромный, отозвавшийся резонансом по все-

му миру феномен «Серебряного века». Отмечу, что этот комплекс неразрывно связан с Санкт-Петербургом.

Если взять культурные инновации, сколько-нибудь значительные в масштабах Империи, тем более – в масштабах Европы, вне Петербурга практически не происходит вплоть до 1930-х гг.

Ничто не препятствует развивать что и где угодно. Но культурная жизнь Империи, вообще-то весьма интенсивная, делает именно в Петербурге какой-то необъяснимый «пик». В лучшем случае некоторые иные города разделяют с Санкт-Петербургом почетное место «первых», в которых нечто началось (как Харьков, в котором одновременно с Петербургом появились аэродинамические трубы).

Не менее характерно, что в любой из областей культуротворчества активную роль играют местные уроженцы, потомственные петербуржцы. Более того, им очень часто принадлежит в явлении ведущая роль – при том, что «конкурентами»-то является все население Российской империи.

Я не говорю уже о поразительной склонности Санкт-петербуржцев ко всевозможной фронде, их постоянному дистанцированию от властей, нелюбви ко всяческому начальству. Черта, замечу, объяснимая у жителей Ленинграда в СССР, но решительно непостижимая для жителей столицы Российской империи.

Что интересно – в данный момент в Петербурге этого почти нет.

Можно сформулировать несколько вытекающих из этого... то ли принципов, то ли правил... не знаю, как назвать.

1. Культурные явления, наиболее значимые в масштабе Российской империи и СССР, возникают именно в Санкт-Петербурге.

2. Если явление культуры зарождается вне Санкт-Петербурга, оно обязательно проявляется в Санкт-Петербурге (даже если вне одного города-родины и Санкт-Петербурга оно больше не проявляется).

3. Культурные явления, начавшиеся в России и получившие общеевропейское или мировое значение, как правило, исходят из Санкт-Петербурга; культурные явления, возникшие вне Санкт-Петербурга, приобретают общероссийское или общеевропейское значение только после трансформации этого явления в Санкт-Петербурге.

И эти принципы культурной жизни России сказываются вне зависимости от того, является ли Санкт-Петербург столицей. Более того, они сказываются в полной мере, когда он становится «столичным городом с областной судьбой» – и притом городом, весьма нелюбимым, постоянно выкорчевываемым, «расчищаемым», умиряемым властями.

Классикой культурной жизни СССР было наличие московской и петербургской школ. С одной немаловажной разницей: московская школа, к которой был и приток средств

(порой огромных), и внимание начальства, фактически была школой всесоюзного масштаба. Конечно, «прописка» была лимитной и там и здесь. Но в Москве «обходить» было проще. В Москву не только люди из ВПК, но и ученые из Академии наук, из вузов порой попадали из «провинции». Если специалист был уж очень нужен – «находили способ», и прописку «делали».

Научные же школы Санкт-Петербурга из-за все той же лимитной прописки, гораздо более «непробиваемой», чем московская, все более становился «городом без подпитки». Помню, как меня в молодости уговаривали жениться на ленинградке – и тем решить свои проблемы прописки. Другого способа друзья и родственники не видели.

Это обстоятельство необходимо учитывать при сравнении московских и петербургских научных школ. Фактически сравниваются школы общесоветские и местные, Санкт-Петербургские.

Санкт-Петербург своей «советской» судьбой областного города вполне доказал, что он в состоянии существовать и проявлять свои удивительные качества, будучи не центром колоссальной империи, а только экономическим и культурным центром своей округи – Северо-Запада. Россия очевидно потеряла от того, что город перестал быть ее столицей. А вот потерял ли Петербург?

Глава 3

Попытки объяснить феномен

*Верь мне, доктор,
Кроме шутки! —
Говорил раз пономарь.
От ящ крутых в желудке
Образуется янтарь!*

Граф А.К. Толстой

Три века существует Санкт-Петербург. Два века поражает он воображение людей. За эти три столетия сложилось целое море легенд о городе. Родилось еще большее количество противоречащих друг другу и здравому смыслу «объяснений» феномена Петербурга. Тут и «столичность» Петербурга: мол, не был бы он столицей Российской империи, так и не стал бы уникальным и удивительным городом.

Мол, ведь именно во времена, когда Петербург был центром Российской империи, возникли прекрасные памятники и храмы. Большая их часть возникла при прямом участии государственных лиц и посвящена императорам, государственным деятелям, путешественникам и полководцам, расширявшим пределы империи.

Естественно, в числе объяснений» фигурируют «белые ночи». Разводимые на ночь мосты. Непривычная планиров-

ка. Наводнения. Близость моря. Близость Европы.

И конечно же, все это предельно неубедительно. Город на краю русской Ойкумены? Город, где для россиянина слишком холодно, слишком высокие широты, пугающие россиян северными сияниями и короткими днями в декабре? Но помилуйте, в Новосибирске и даже в уральских городах значительно холоднее! Ну ладно, будем считать, что эти города расположены слишком далеко на востоке и вообще вошли в состав России слишком поздно.

Но существует ведь огромный и многообразный Русский Север – Каргополь, Вологда, Архангельск, Холмогоры... нет, даже и перечислять неудобно. Край интересный, яркий и самобытный – нет слов. Но лишенный начисто всего, что составляет духовный «ореол» Санкт-Петербурга. Русский Север – интересная, но по большому счету обычная часть земель, населенных исстари русским народом, – хотя и расположен Русский Север в тех же широтах и живут там в тех же климатических условиях.

Нет, дело не в климате.

Столичный город? Но Петербург столицей был недолго. Москва – столица с несравненно более устойчивыми традициями главного русского города. Она, как и подобает «настоящей» столице, лежит в центре Русской равнины, в самом сердце исторической России. По мере приближения к Москве просто зрительно видно, как концентрируется вокруг нее Россия, как словно бы «сбегаются» к ней деревни и

города, как уплотняется население. Ну, и храмы, крепости, сопровождающие их легенды, сказки, исторические предания.

Не говоря уже о том, что столиц-то в русской истории, строго говоря, не две. Все-таки их, столиц, было как минимум четыре, если не пять: кроме поздних Москвы и Петербурга, на звание столиц Древней Руси вполне могут претендовать и Киев, и Новгород, и Владимир¹³. Не говоря о том, что столицей самостоятельного княжества хотя бы недолго побыли почти все крупные, известные города Русской равнины (Кострома, Рязань, Чернигов, Смоленск, Псков, Тверь... перечисление можно продолжать) и великое множество ныне незначительных, но когда-то очень крупных и известных (Галич, Серпухов, Ростов, Суздаль, Муром – этот список тоже можно продолжить).

Причем и Киев, и Владимир, и Новгород тоже стоят в центре земли русской, а не жмутся где-то на окраине национальной Ойкумены. Все они богаты историческими памятниками, да такого возраста, какой трехсотлетнему Петербургу и не снился. Каждый из этих городов поздно или рано, но собирал русские рати против внешнего врага. Петербург же даже во время Отечественной войны 1812-го центром национального сопротивления не был. После Киева, Новгорода, Москвы, Владимира Петербург оказывается столицей и самой молодой, и самой недолгой, и городом с самыми слабы-

¹³ Буровский А.М. Отец городов русских. М., 2007.

ми традициями столичного, спланированного народ города.

Большой каменный город? Но из камня умели строить еще в киевско-новгородское время. А центральные части всех без исключения губернских городов и многих уездных – каменные. Площадь каменной застройки Москвы, даже Одессы, Харькова, Нижнего Новгорода – сравнима с площадью каменного исторического центра Петербурга. Так что и в этом он совершенно не уникален.

«Воплощенная в камне история»? Но это в несравненно большей степени относится к «первым трем столицам» – да и вообще почти ко всем старым городам русской равнины, Прибалтики. Не только Ярославль или Калуга, но даже Старый Оскол, Серпухов или Боровск гораздо в большей степени – города старые, хранящие память об исторических событиях.

Город, построенный с особой, исключительной жестокостью? Город, возведение которого потребовало особых усилий и особых, потому запомнившихся человеческих потерь? На такое невежество только руками разведешь. Можно подумать, Рим строился не на костях сотен тысяч, даже миллионов рабов. Можно подумать, Акрополь не был построен на совершенно страшные деньги: награбленные, скопленные войной, сколоченные работорговлей! Да при одном строительстве Версаля погибло больше, чем в Петербурге, – и это вовсе не страшная тайна истории, а факты, хорошо документированные, давно известные всем (кто хочет знать, конеч-

но).

Огромные и роскошные памятники? Но после Московского, Псковского, Новгородского кремлей дворцы Петербурга вовсе не производят впечатления громадных. Петропавловская крепость сильно проигрывает в размерах Азовской и Нарвской крепостям. Есть, конечно, в нем такие громадные сооружения, как Исаакиевский собор, Зимний дворец и такие высокие, как Адмиралтейство. Но возведены они с таким совершенством пропорций, так гармонично и красиво, что громадные размеры памятников скрадываются, становятся менее вызывающими и проигрывают хмурой громаде Нарвской крепости или Псковского кремля (да объективно все-таки Нарвская крепость побольше размерами).

Кремли и крепости построены более ординарно, они больше похожи друг на друга, петербургская застройка «интереснее», отдельные ее элементы гораздо более самобытны – но это касается уже особенностей города, о которых шла речь с самого начала. А городом громадных памятников Петербург не является – что поделать! Памятники производят впечатление, запоминаются и заставляют изменять поведение вовсе не потому, что они очень велики.

Концентрация произведений искусства? Да, это уже «теплее». Но не будь эти памятники вписаны в единый архитектурный и культурный ансамбль, еще неизвестно, какое впечатление они производили бы. Скажем, как выглядели бы коллекции Русского музея, выставленные в Липецке или в

Орле, и не в Михайловском замке, а в стандартной бетонной коробке?

Река и море? Нева и впрямь велика, красива. Москва-река или Десна – карлики в сравнении с Невой. Но Волга больше, величавее. И историчнее. С Волгой связаны многие события Русской истории, по ней долгое время проходила восточная граница Руси, в XVI веке – граница Европы... Ничего подобного у Невы нет, в культурно-историческом плане эта река малоинтересна.

Море? Оно здесь мало отличается от озера и цветом, и волнением, и даже вкусом воды. Да и берег виден во все стороны. Не зря же называли Финский залив неуважительно – Маркизовой лужей. Так что море здесь – «не настоящее», и если оно играет какую-то особенную роль, то только вместе с какими-то другими обстоятельствами, не само по себе. Не стали ведь особенными городами ни Ревель-Таллин, ни Рига, ни Хельсинки. Приморская Упсала – стала, стал и Новгород, хотя к морским побережьям он относится лишь косвенно – лежит от них в стороне. Все это доказывает, и убедительно – дело вовсе не в самом по себе море.

«Белые ночи»? Но даже во Пскове и Новгороде ночи уже «почти белые». А по всему Русскому Северу на той же широте ночи в самой маленькой, самой дикой деревушке будут в той же степени «белы», что и в Петербурге. Что характерно – нет ни малейшего признака хоть какого-то, хоть скромного отражения «белых ночей» в культуре русского Средневе-

ковья. Ни для одного из этих городов (Вологда, Каргополь, Холмогоры, Архангельск) «белые ночи» ну никак не являются типичным и значимым признаком. Их, столь важных для Петербурга, тут как бы и не замечают.

А европейцы еще сдержаннее. Разумеется, все северные европейцы прекрасно знают, о чем идет речь. В конце концов, вся Скандинавия лежит близ Полярного круга, и для любого жителя Скандинавии или севера Шотландии «белые ночи» – явление вполне заурядное, повседневное...

Но ни Астрид Линдгрэн с ее проникновенным описанием и острова Сальткроки, и всей сельской жизни Смоланда, ни неискоренимый романтик Ганс Христиан Андерсен, ни Сальма Лагерлеф, ни певцы шведской (и вообще – северной) природы Петер Фреухен и Ханс Линдемман не издают по поводу «белых ночей» решительно никаких восторженных звуков. Они описывают их – и все, совершенно не фиксируясь на них как на явлении исключительном и особенно интересном. Даже шведские мистики – «фосфориты» восемнадцатого столетия и их современники, – романтики «готики» в той же степени сдержанны. Казалось бы – уж романтикам-то и карты в руки! Но эти, шведские романтики, интересуются совсем другими явлениями.

Описание соответствующих эффектов «белых ночей» можно найти и у Р.Л. Стивенсона (хотя бы в эпизодах с шотландскими скитаниями «Похищенного»), и у В.Скотта, и уж, конечно же, у Жюль Верна. У последнего есть и эстетика

«белых ночей»: его герои находят «белые ночи» красивыми. Но эти восторги слабенькие, несравненно слабее, чем дружные восторги российского общества. В общем, сравнивать славу Петербургских «белых ночей» совершенно не с чем.

И выходит, что не Петербург славен «белыми ночами», а скорее «белые ночи» славны исключительно в Санкт-Петербурге. Почему-то именно здесь их замечают и обыгрывают как достопримечательность города.

В целом же приходится констатировать еще раз: на Неве уже почти три века стоит город-легенда. Но в чем причина «легендарности» — никто не в силах объяснить.

Что же и в самом деле происходит в удивительном городе на Неве? Я написал эту книгу после того, как долго искал ответа на вопрос. Я читал книги и разговаривал с учеными, я думал и спрашивал у самых умных людей, кого знал. Я не нашел никаких объяснений феномена.

Хуже того: большая часть того, что я с юности считал историей города, подлинными историческими фактами, оказалось, мягко говоря, не очень достоверным. Пришлось самому изучать проблему, собирать сведения, искать ответы на вопрос: каким образом Петербург воздействует на человека и на целые сообщества людей? Почему в Санкт-Петербурге все время что-то происходит? Что делает город особенным явлением русской и европейской истории?

Часть II

Город-миф

Говорили, что в этом лесу с деревьев кричит птица Сиу, которую нельзя видеть, потому что она не простая птица.

А. и Б. Стругацкие

Плотное облако мифов окружало реальный Санкт-Петербург с мая 1703 года. Не успели первые сваи войти в грунт Заячьего острова, как мифы поднялись плотным облаком над постройкой, над людьми, – как комары. Облако мифов порой настолько плотное, что бывает непросто различить реальный город в его клубах.

Санкт-Петербург, существующий в русской культуре, отраженный в искусстве и литературе, вовсе и не является реальным городом. Это город мифологический, возникший в культуре вокруг и по поводу жизни реального Санкт-Петербурга, и «по мотивам» его истории.

Мифологично почти все, что рассказывается о Санкт-Петербурге и в школьных, и в вузовских учебниках; почти все то, что считается его историей, не происходило вообще или происходило иначе, чем описано.

Считается, что основателем и строителем Петербурга был Петр I. Что Петербург строился по трем последовательно

сменявшим друг друга планам, и что первым из них был план, разработанный лично Петром и Трезини. Так сказать, «Петр первым начал», а остальные только продолжали.

Считается, что Петербург строили по этим трем планам добрых сто пятьдесят лет, с начала XVIII века до конца XIX.

Что построен он в единственно возможном месте – остальные по разным причинам не годились, и что назван он в честь Петра I.

Но все это – совершеннейшая неправда, и мы легко убедимся в этом, как только последовательно рассмотрим все эти мифы.

Глава 1

Миф о создателе

*Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий стройный вид.*

А.С. Пушкин

Представление о Петербурге как о «Петра творенье» крайне устойчиво. Оно поддерживалось и в официальной культуре, и в народной. Создателем Петербурга выступает Петр I и у А.С. Пушкина, и у А.Н. Толстого: другое дело, что у Пушкина он – «положительный» персонаж, а у раннего Толстого – сугубо отрицательный.

Но и там и там Петр строит Петербург! Это его город! В сознании абсолютного большинства современных россиян, в том числе и жителей Петербурга, Петр остается создателем города. В мае 2003 года Петр «ожил» во множестве костюмированных представлений, и смысл их однозначен: Петр как бы явился из прошлого, чтобы обревизовать и, конечно же, высоко оценить, освятить своим авторитетом, благословить настоящее и будущее. Так сказать, «принять работу»!

Для очень многих петербуржцев Петр – если не «наш рулевой», то уж, во всяком случае, «наш отец-основатель». Он как бы имеет полное право явиться к современным людям,

потребовать от них отчета: что происходит в «его» городе?!
Следуют ли «его» заветам?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.